

*Е. В. Грудева*

**СПОСОБЫ ВВЕДЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ  
И СТРАТЕГИИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА В ЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИИ  
(экспериментальное исследование)**

*Как известно, вычленение темы высказывания (в терминах актуального членения предложения) является важным шагом в процессах речепорождения и речевосприятия. Русский относится к языкам, в которых нет регулярных формальных показателей темы высказывания, в силу чего в русистике отсутствуют и четкие критерии выделения последней. Статья посвящена анализу экспериментальных данных, связанных с изучением стратегий носителей русского языка в определении темы высказывания в текстах разного типа. Показано, что ведущими стратегиями в определении темы высказывания являются стратегия выбора подлежащего, позиционная стратегия и стратегия отказа от выбора местоимений на роль темы. Выбор той или иной стратегии может быть обусловлен типом текста: так, для разговорного текста в числе ведущих стратегий оказываются стратегия отказа от выбора местоимений на роль темы и стратегия выделения наиболее информативного слова, а для научного текста — стратегия выбора подлежащего.*

*E. Grudeva*

**SENTENCE TOPICS IN RUSSIAN  
AND STRATEGIES OF NATIVE SPEAKERS IN IDENTIFYING THEM  
(an experimental analysis)**

*As is well known, the identification of sentence topics (themes in terms of Functional Sentence Perspective) is an important step in speech production and speech perception. Russian belongs to the languages in which there are no regular formal exponents of the theme of the utterance, owing to which there exist no reliable criteria of identifying the latter. The paper presents some experimental data concerned with strategies used by Russian native speakers in identifying the theme of the utterance in texts of different types. The leading strategies in identifying the theme of the utterance are shown to be that of choosing the subject, a positional strategy and a strategy of non-choosing pronouns for the role of the theme. The choice between the strategies can depend on the text type: thus, for a colloquial text the prevailing strategies include a strategy of refusing to choose a pronoun for the role of the theme and a strategy of picking out the most informative word, while for a scientific text the strategy of picking out the subject figures most prominently.*

**Введение.** Введение темы (в терминах актуального членения предложения) считается важным шагом в порождении высказывания. В современных работах, так или иначе описывающих этапы порождения высказывания, указывается, что, по-видимому, при переходе от замысла, представляющего собой нечто аморфное в семантическом смысле, к первичной семантической записи отдельной процедурой является выделение темы<sup>1</sup>. Выделение темы, первоначально нечленимой, а затем и расчлененной, видится как более поздняя процедура по сравнению с процедурой выделения темы<sup>2</sup>.

Категория актуального членения – категория текста. Данное понимание берет свое начало в работах В. Матезиуса, который полагал, что речь идет о таком членении предложения, которое актуально для данного контекста<sup>3</sup>.

**Способы введения темы в русском языке.** Считается, что имеется как минимум четыре разных способа введения темы, два из которых предположительно носят универсальный характер. Так, В. Б. Касевич рассматривает следующие способы введения темы: позиционный, грамматический, лексический и фонетический, считая универсальными первый и последний<sup>4</sup>. Русский язык относится к языкам, в которых нет специальных, регулярных, маркеров темы. Однако, кроме универсальных способов введения темы (помещение в инициальную позицию и фонетическое выделение), в русском языке имеется также ряд формальных средств ее маркирования, которые используются нерегулярно. К таким дополнительным средствам, в частности, относятся частицы (*же, то, только, лишь*)<sup>5</sup>, а также ряд синтаксических конструкций, в которых специально маркируется тема. В качестве конструкций с введением темы в литературе указывается прежде всего конструкция с оборотом *что касается*, а также синонимичная ей конструкция с оборотом *что до*<sup>6</sup>.

Вместе с тем для языков (в том числе и для русского), в которых нет регулярных формальных показателей темы высказывания, авторы лингвистических описаний не дают четких критериев выделения последней. Однако в реальной речевой деятельности носители языка, как можно думать, без труда производят (подсознательную) операцию выдвижения / вычленения (в зависимости от типа речевой деятельности: порождение или восприятие речи) того или иного элемента высказывания на роль темы.

Учитывая сказанное, мы обратились к интуиции наивных носителей языка<sup>7</sup> для того, чтобы определить в избранных текстах тему каждого высказывания, а также для того, чтобы на основе полученных данных попытаться понять, на что же ориентируются носители русского языка в процессе обнаружения темы.

**Описание эксперимента.** В ходе эксперимента испытуемым предъявлялись тексты и инструкция, в которой предлагалось подчеркнуть тему в предложениях. Приводим полный текст инструкции:

В лингвистике принято выделять тему и рему в предложении. Тема – это слово (или сочетание слов), обозначающее предмет, явление и т. п., которому посвящено предложение (о котором говорится в предложении). Например, в предложении *Петя – студент* темой является слово «Петя» (т. е. в этом предложении говорится о Пете). В предложении *Волноваться вредно* темой является слово «волноваться» (т. е. в этом предложении говорится о состоянии волнения). В предложении *Гильдия киноактеров США объявила номинантов на свои профессиональные премии* темой является сочетание слов «гильдия киноактеров США» (т. е. в этом предложении говорится о гильдии киноактеров США). В предложении *В поле работает трактор* темой является словосочетание «в поле» (т. е. в этом предложении говорится о поле).

Ваша задача заключается в том, чтобы подчеркнуть в предложенных текстах тему.

Эксперимент проводился на двух парах текстов: «разговорный (РТ) – газетный (ГТ)» и «научный (НТ) – художественный

(ХТ)<sup>8</sup>». В ходе эксперимента каждый испытуемый работал с одной «парой» текстов. Поэтому для сбора необходимых сведений были привлечены две группы испытуемых.

В качестве испытуемых, которым предъявлялись разговорный и газетный тексты, выступили студенты Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена нефилологического профиля (факультеты математический и психолого-педагогический); общее число испытуемых – 51. В качестве испытуемых, которым предъявлялись научный и художественный тексты, также выступили студенты РГПУ им. А. И. Герцена нефилологического профиля (факультеты математический, психолого-педагогический, физической культуры); общее число испытуемых – 105.

В целом результаты проведенного нами эксперимента во многом оказались такими, какими их предвидел О. Есперсен, рассуждавший об одном из определений психологического подлежащего, а именно: «Подлежащее – это то, о чем говорится в предложении». Есперсен отмечал, что неискушенный человек, вероятно, был бы склонен сказать, что подобное определение ему мало помогает, и в таком предложении, как «Джон обещал Мери золотое кольцо» он выделил бы четыре предмета, о которых

что-то высказывается и которые поэтому могли бы считаться подлежащими: 1) Джон, 2) обещание, 3) Мери, 4) кольцо<sup>9</sup>. В нашем случае в некоторых текстах (прежде всего в разговорном) практически каждое слово в составе того или иного высказывания выдвигалось на роль темы хотя бы один раз. Более того, в разговорном тексте некоторые испытуемые подчеркивали в качестве темы полностью целый ряд высказываний<sup>10</sup>.

И тем не менее, что же *чаще всего* склонны определять в качестве темы высказывания носители языка?

**Стратегии носителей русского языка в определении темы высказывания.** Эксперимент с «парой» «разговорный текст – газетный текст» показал, что одной из стратегий в определении темы является **выбор** на эту роль **подлежащего** (данные по критерию «подлежащее / сказуемое» см. в табл. 1). В случае контекстного опущения подлежащего (прежде всего речь идет о РТ, где эллиптические структуры встречаются довольно часто) в качестве темы чаще определяется сказуемое. Это может быть связано либо с указаниями русских глагольных флексий на лицо, либо с принятой испытуемыми презумпцией эксплицитной выраженности темы и – в силу «обремененности» школьными знаниями – обращенностью к другому «главному» члену предложения<sup>11</sup>.

Таблица 1

Определение темы по критерию «подлежащее / сказуемое» (в %)

Тип текста <sup>12</sup>	Подлежащее	Сказуемое
Научный	55	11
Разговорный	48	40
Газетный	46	23
Художественный	42	28

В предлагавшемся в эксперименте РТ повествование ведется от первого лица. Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что испытуемые не склонны определять в качестве темы дейктический элемент – показатель первого лица – в изолирован-

ном виде, но предпочитают либо включать его в расширенный состав (чаще со сказуемым), либо полностью акцентировать свое внимание на сказуемом<sup>13</sup>. Избираемая испытуемыми стратегия находит отражение в сводных результатах эксперимента:

разница между средним коэффициентом согласия по выдвиганию подлежащего на роль темы, с одной стороны, и по выдвиганию сказуемого на эту же роль – с другой, ничтожно мала (48% и 40% соответственно, см. табл. 1). Местоимение-указатель третьего лица более регулярно выделяется в качестве темы в изолированном виде.

Коэффициент согласия в определении темы повышается, если ведущие позиции в предложении занимает неместоименная субстантивная лексика. Так, во всех случаях с высокими коэффициентами согласия (в интервале значений от 0,88 до 0,73<sup>14</sup>) в качестве подлежащего выступают существительные (*собака* – КС<sup>15</sup> = 0,88; *воспоминания* – КС = 0,84; *щенки* – КС = 0,73 и пр.).

В случаях же с низким коэффициентом согласия (меньше 0,1) роль подлежащего выполняют местоимения (*она* – КС = 0,08; *это* – КС = 0,02; *это* – КС = 0,04).

В целом стратегию **отказа от выбора на роль темы местоимений** для РТ можно считать едва ли не ведущей. Анализ вершин согласия по каждому высказыванию РТ показал, что ни в одном из тех высказываний, где на роль темы с максимальным согласием выбирается глагол, в роли подлежащего не выступает существительное: это либо эллиптическое (с пропуском подлежащего) высказывание, либо высказывание, в котором ведущие позиции занимают местоимения (типа *Я почему-то до сих пор помню так хорошо эту собаку; А ко мне она ласкалась; И вот она, значит, никому не давала подходить к этим щенкам; Она же могла всех искушать* и пр.). Возможно, это связано еще и с тем, что местоимения очень часто выражают «данное» (в оппозиции «данное» – «новое»); поскольку и тема, и «данное» тяготеют к инициальной позиции, очень часто они совпадают в одном и том же компоненте. Интуитивное отталкивание испытуемых от «данного», выраженного местоимением, в поисках наиболее ин-

формативного слова, возможно, и приводит часть из них к отказу от выбора на роль темы местоимений.

По-видимому, в отношении РТ следует вести речь о самостоятельной стратегии **выделения наиболее информативного слова**, которая ярче всего проявляется в высказываниях с местоимениями в роли подлежащего. Таким образом, в РТ стратегии **отказа от выбора на роль темы местоимений** и **выделения наиболее информативного слова** оказываются во многом взаимосвязанными. То, что последняя из указанных стратегий обнаруживается исключительно на материале РТ, по-видимому, обусловлено спецификой языкового строя, представленного русской разговорной речью. Существует мнение, что русскому разговорному синтаксису присущи черты изолирующего строя. Это проявляется, в частности, в том, что «во многих конструкциях главное синтаксическое противопоставление субъекта предикату уступает место дихотомии топик ~ сообщение. То есть информационная структура сообщения (актуальное членение) подавляет и замещает собой синтаксическую структуру»<sup>16</sup>. Причины такого положения дел видят в особенностях восприятия и переработки информации при речевом общении: «В этой ситуации возникает необходимость оперировать активированным в сознании речевого партнера фондом знаний с помощью фокуса внимания (создающего топик) и информационного фокуса. Это иконически отражается в членении топик ~ сообщение и, с другой стороны, создает такой «насыщенный» контекст, который (совместно с конситуацией, сопровождающей данный коммуникативный акт) делает избыточным выражение многих смысловых связей внешними, формальными средствами»<sup>17</sup>.

Что касается ГТ, то в целом подлежащее выдвигается на роль темы достаточно часто. Резко выделяются на этом фоне низкими коэффициентами согласия подлежащие в составе придаточных предложений, выраженные относительными ме-

стоимениями (*которая* – КС = 0,02; *что* – КС = 0,06), а также инфинитивом (*считать* – КС = 0,06).

Отмечаемый в ГТ разрыв между средним коэффициентом согласия по выдвиганию подлежащего на роль темы, с одной стороны, и по выдвиганию на эту роль сказуемого – с другой, более существен, по сравнению с РТ (0,46 и 0,23 соответственно; см. табл. 1).

Коэффициенты согласия по выдвиганию сказуемых на роль темы в ГТ довольно низкие. Исключением являются некоторые случаи составных именных сказуемых (*был масоном* – КС = 0,41; *стало одной из причин* – КС = 0,55; *подвел итог* –

КС = 0,49), которые дали относительно высокие коэффициенты согласия, судя по всему, за счет именной составляющей.

Характерно, что **все** вершины согласия в ГТ представлены именами в отличие от РТ, где, как мы видели ранее, нередко вершины согласия представлены глаголами.

Другая стратегия, которой, по-видимому, пользовались испытуемые в выборе слов, отвечающих теме высказывания, – **позиционная**. Имеется в виду, что испытуемые стремятся выделить в качестве темы элементы, находящиеся в начале высказывания (к чему, по-видимому, толкала их и инструкция, ср. выше), хотя данные по текстам различны (табл. 2).

Таблица 2

Определение темы по критерию «инициальная позиция / финальная позиция» (в %)

Тип текста	Инициальная позиция	Финальная позиция
Газетный	40	15
Разговорный	35	31
Научный	33	12
Художественный	26	8

В целом же, как и в случае с критерием «подлежащее / сказуемое», данные по критерию «инициальная позиция / финальная позиция» в РТ демонстрируют ничтожно малую разницу между средним коэффициентом согласия по выдвиганию на роль темы инициальных элементов, с одной стороны, и средним коэффициентом согласия по выдвиганию на ту же роль финальных элементов, с другой стороны (0,35 и 0,31 соответственно; см. табл. 2).

С наиболее высоким согласием на роль темы в инициальной позиции выдвигается подлежащее (*она* – КС = 0,65; *я* – КС = 0,69), а также глагол в форме 1-го л. ед. ч., выполняющий функцию сказуемого в эллиптическом высказывании с пропуском подлежащего (*думаю* – КС = 0,61).

В ГТ максимально высокие коэффициенты согласия наблюдаются тогда, когда

инициальную позицию занимает либо подлежащее, выраженное именем собственным (*Советский Союз* – КС = 0,82; *Горбачев* – КС = 0,92), либо парцеллированный член предложения (*проблема* – КС = 0,82). Кроме того, испытуемые с готовностью идентифицируют в качестве темы инвертированный член предложения, в частности, вынесенные в начало высказывания синтаксемы объектной семантики (*(про) Петра III* – 0,88).

В ГТ элементы, находящиеся в финальной позиции, практически не избираются испытуемыми на роль темы.

Таким образом, по данным эксперимента на материале разговорного и газетного текстов можно заключить, что ведущими стратегиями в определении темы высказывания являются стратегия выбора подлежащего, позиционная стратегия и стратегия

отказа от выбора местоимений на роль темы. Дополнительными стратегиями можно считать стратегию выбора на роль темы имени собственного и стратегию выделения наиболее информативного слова.

Обратимся к эксперименту с «парой» «научный текст — художественный текст». Учитывая уже выявленные нами стратегии, начнем анализ поведения носителей языка с определения того, насколько часто они выдвигали на роль темы подлежащее, работая с НТ и ХТ.

Подлежащее на роль темы в НТ выбирали в среднем 55% испытуемых (см. табл. 1).

В целом по каждому отдельному высказыванию коэффициент согласия в выдвижении подлежащего на роль темы достаточно высок: от 0,42 до 0,93. Исключение составили два высказывания, в которых подлежащее выражено местоимением (*это* — КС = 0,05; *мы* — КС = 0,09). Как и в рассмотренной ранее «паре» текстов, мы наблюдаем тенденцию не определять в качестве темы высказывания местоимения.

Сказуемое на роль темы в высказываниях НТ выбирали в среднем 11% испытуемых. По абсолютному большинству высказываний данные о выборе сказуемого на роль темы немногочисленны (значения коэффициента согласия распределяются в пределах от 0 до 0,2). Единственное исключение составило высказывание *Это такой приспособительный процесс, который не осуществляет ни ассимилятивной, ни оборонительной функции; вместе с тем он не вносит и активного изменения в самый объект* (коэффициент согласия по поводу слова *процесс* составил 0,78).

Что касается отмечаемого ранее факта выдвижения каждого слова, входящего в состав высказывания, на роль темы хотя бы один раз, то применительно к данному тексту этого утверждать не приходится. Вероятно, причины такой картины кроются в «многословности», структурной сложности практически всех высказываний в пределах НТ. Кроме того, есть подозрение, что испытуемые при поиске кандидатов на

роль темы в НТ руководствовались преимущественно формальным критерием (выбирали подлежащее или слово, стоящее в им. / вин. п.). Об этом как будто бы свидетельствуют сопоставительные данные: в НТ по сравнению с тремя другими типами текста наблюдается максимально высокий показатель выдвижения подлежащего на роль темы и максимально низкий показатель выдвижения на эту роль сказуемого.

Знаменательно, что, как и в ГТ, все вершины согласия в НТ представлены именами (в одном случае местоимением 3-го л. ср. р. — *оно*; в двух случаях атрибутивными словосочетаниями — *слуховой орган, моторных процессов*; во всех остальных случаях — одиночными существительными).

Перейдем к анализу данных по ХТ. Повествование в тексте ведется от 1-го лица; высокая частотность употребления местоимения 1-го л. ед. ч. сближает рассматриваемый ХТ с рассмотренным ранее РТ.

Подлежащее на роль темы в среднем избирали 42% испытуемых.

Интересным представляется тот факт, что максимальные коэффициенты согласия в выборе подлежащего (реально от 0,82 до 0,72) наблюдаются в высказываниях, в которых в роли подлежащего выступает компонент, в ближайшем предшествующем контексте введенный как новый в речевой позиции; ср.: *<Родился он в 1805 году, во времена наполеоновских войн, в старом датском городе Одензе, в семье сапожника.> Одензе лежит в одной из котловин среди низких холмов на острове Фюн* (КС по поводу *Одензе* во втором высказывании равен 0,82); *<Один из них — средневековый мастер Клаус Берг — вырезал из черного дерева огромный алтарь для собора в Одензе.> Алтарь этот — величественный и грозный — наводил оторопь не только на детвору, но даже на взрослых* (КС по поводу *алтарь* во втором высказывании равен 0,8).

Что касается факта выбора сказуемых на роль темы в ХТ, то прежде всего следует отметить не очень большой разрыв в показателях выдвижения на роль темы подлежа-

щих, с одной стороны, и сказуемых — с другой (0,42 и 0,28 соответственно), что опять же сближает данные по художественному и разговорному текстам. Думается, что причина относительно высоких коэффициентов согласия по выбору сказуемых в ряде высказываний та же, что и в РТ: если в высказывании в роли подлежащего выступает местоимение 1-го л. ед. ч., то уровень согласия в выдвижении сказуемого на роль темы повышается; ср. *Когда я вернулся домой, елку тотчас зажгли, и в комнате началось такое веселое потрескивание свечей, будто вокруг непрерывно лопались сухие стручки акации (вернулся — КС = 0,32); (я) сел, раскрыл (КС = 0,33); (я) начал читать и зачитался (КС = 0,45); (я) прочел (КС = 0,6)* и т.д. При этом в подобных случаях сохраняется тенденция рассматривать в роли темы сочетание «я-подлежащее + глагол-сказуемое»: из 32% испытуемых, указавших в качестве темы высказывания глагол *вернулся*, именно так поступили 30%; из 60% испытуемых, выбравших в качестве темы глагол *прочел*, 40% одновременно указали и на подлежащее *я*.

Кроме того, «традиционно» высокие коэффициенты согласия дают (за счет именной части) составные именные сказуемые (*были сказки — КС = 0,63; были статуи — КС = 0,77*).

Результатом действия стратегии не избирать местоимения на роль темы является и то, что по ряду высказываний вершины согласия представлены глаголами.

Обратимся к рассмотрению влияния позиции слова в высказывании на выбор его (слова) в качестве элемента, отвечающего теме. Значения коэффициента согласия в выдвижении инициального элемента на роль темы по каждому высказыванию НТ распределяются в пределах от 0,02 до 0,93, средний коэффициент согласия равен 0,33.

Максимально высокие коэффициенты согласия наблюдаются в тех случаях, когда инициальную позицию занимает подлежащее, выраженное именем сущ. (*анализ —*

*КС = 0,93; ухо — КС = 0,81; исследование — КС = 0,71*).

Средний коэффициент согласия по выдвижению на роль темы элементов, находящихся в финальной позиции, в НТ составил 0,12 (см. табл. 2).

Что касается ХТ, то поскольку в нем инициальную позицию в преобладающем числе случаев занимают разного рода местоимения, то и средний коэффициент согласия по этому критерию оказался невысоким.

По финальной позиции в ХТ также наблюдаются регулярно низкие значения КС (от 0 до 0,29).

Говоря о ведущей стратегии в определении темы по каждому из текстов в «паре» «научный текст — художественный текст», следует отметить, что вершины согласия в выдвижении на роль темы того или иного слова по каждому высказыванию в НТ в 11 случаях (из 16) составили подлежащие. Еще в 3 случаях вершины представлены сущ. в вин. п., формально совпадающими с им. п. В этих высказываниях либо отсутствует подлежащее как таковое (*Попытаемся всмотреться ближе в этот процесс; Нет надобности умножать факты...*), либо его выделение не столь очевидно (*Это такой приспособительный процесс...*). Сказанное позволяет сделать вывод, что ведущей стратегией в выдвижении элементов на роль темы в НТ явилась стратегия выбора подлежащего.

В художественном же тексте такой четкой закономерности в выдвижении подлежащих на роль темы нет, зато можно утверждать, что стратегия отказа от выбора местоимений на роль темы является определяющей.

**Выводы.** В литературе бытует мнение, что в процессе определения темы высказывания синтаксический статус того или иного элемента оказывается важнее, чем позиционный. Правда, такие выводы были получены на материале английского языка. А. Дейвисон и Р. Лютц, ссылаясь на данные проведенного ими психолингвисти-

ческого эксперимента, утверждают, что процесс грамматического анализа шел быстрее в тех случаях, когда топик совпадал с подлежащим<sup>18</sup>. Отчасти результаты проведенного нами эксперимента согласуются с такими утверждениями. С этой точки зрения любопытен один случай из нашей практики: в инструкции для испытуемых (см. выше) демонстрировались примеры разных синтаксических конструкций, в которых была выделена тема. В том числе был пример *В поле работает трактор* с комментарием: «В этом предложении темой является словосочетание «в поле» (т. е. в этом предложении говорится о поле)». Очень часто наши испытуемые вслух комментировали это место: «В этом предложении говорится о тракторе, а не о поле».

Однако, как было показано выше, испытуемые использовали и другие стратегии в выдвижении того или иного элемента на роль темы. В ряде случаев стратегия выбора подлежащего на роль темы могла быть подавлена другой стратегией (например, стратегией отказа от выбора местоимений на эту роль).

Возможно, полученные нами результаты объясняются тем, что в ходе эксперимента носителям языка предлагалось сознательно оперировать теми категориями, которыми в норме они оперируют подсознательно. Имеется в виду, что в речевой

деятельности каждый носитель языка регулярно выполняет процедуру вычленения темы, или, иными словами, операцию по определению того, о чем сообщается (для слушающего) или будет сообщаться (для говорящего) в высказывании. Как показывают многочисленные эксперименты, за вычленение темы отвечает правое полушарие головного мозга<sup>19</sup>; считается, что правое полушарие работает по холистскому принципу и в меньшей степени, чем левое полушарие, связано с работой сознания. В экспериментальной же ситуации мы обращаемся к испытуемым с прямой инструкцией («выделите тему»), тем самым апеллируя прежде всего к сознанию. Неслучайно максимальные коэффициенты согласия в выдвижении элементов на роль темы были получены в отношении структур, специально маркирующих тему (именительный темы), т. е. испытуемые пытаются найти формальные опоры в определении темы. В остальных случаях (которые составляют абсолютное большинство, так как русский язык не имеет специальных регулярных средств выражения темы) мнения испытуемых разделились. Каждая из выделенных нами стратегий эксплицирует одну из тех формальных опор, на которые, по-видимому, ориентировались испытуемые в поиске темы каждого высказывания в пределах текста.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Лурия А. П. Язык и сознание. — М., 1979; Chernigovskaya T. V., Deglin V. L. Brain functional asymmetry and neural organization of linguistic competence // Brain and Language. — 1986. — Vol. 29. — № 1; Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. — М., 1988.

<sup>2</sup> Касевич В. Б. Указ. соч.

<sup>3</sup> Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. — М.: Прогресс, 1967. — С. 239–245.

<sup>4</sup> Касевич В. Б. Указ. соч. — С. 258–259.

<sup>5</sup> Следует иметь в виду, что одни и те же частицы в зависимости от условий могут выступать как маркерами темы, так и маркерами ремы.

<sup>6</sup> См.: Там же. — С. 259; Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Азбуковник, 1997. — С. 805. Вопрос о синтаксической трактовке этих конструкций, а также результаты исследования частоты встречаемости такого рода конструкций в современном русском языке с опорой на корпусные данные подробно рассмотрены в: Грудева Е. В. Спо-



события введения темы в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог – 2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.) / Под ред. Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. – М.: Изд-во РГГУ, 2006. – С. 124–128.

<sup>7</sup> В качестве испытуемых в эксперименте выступили студенты нефилологических специальностей. Следует иметь в виду, что понятие «наивности» носителя языка во многом относительно: каждый студент из школьной программы знаком с определением подлежащего, которое полностью совпадает с предлагаемым определением темы. «Наивность» в данном случае связывалась с отказом от привлечения к участию в эксперименте филологов.

<sup>8</sup> В качестве экспериментальных текстов выступили фрагменты следующих текстов: **газетный** – статья С. Новопрудского «За царя», опубликованная в № 16 газеты «Известия» от 31.01.2001; **разговорный** – текст из хрестоматии: Русская разговорная речь. Тексты / Отв. редактор Е. А. Земская. – М., 1973. – С. 114–116; **художественный** – фрагмент рассказа К. Г. Паустовского «Сказочник (Христиан Андерсен)» // Паустовский К. Г. Избранные произведения: В 2 т. – М., 1977. – Т. 2. – С. 314–315; **научный** – фрагмент статьи А. Н. Леонтьева «О механизме чувственного отражения» // Психология ощущений и восприятия. – 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. (Серия: Хрестоматия по психологии). – М., 1999. – С. 221–222.

<sup>9</sup> *Есперсен О.* Философия грамматики. – М., 1958. – С. 165.

<sup>10</sup> Подробнее об этом см.: *Грудева Е. В.* Стратегии носителей языка в определении темы высказывания (на материале русского письменного текста) // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов (1–17 марта 2001 г., Санкт-Петербург). Вып. 21. Секция общего языкознания. Часть 3. – СПб., 2001, а также: *Грудева Е. В.* Избыточность и эллипсис в русском письменном тексте. – Череповец, 2007.

<sup>11</sup> Кстати говоря, В. Матезиус считал, что в односоставных предложениях с личной формой глагола основа высказывания (т. е. тема) закодирована в личном окончании (см.: *Матезиус В.* Указ. соч. – С. 243–244).

<sup>12</sup> Здесь для сравнения приводятся данные по всем четырем текстам.

<sup>13</sup> Возможно, это связано с наименьшей маркированностью такого рода темы, ср.: «...тематичность я или ты наименее ощутима в силу естественности этой роли для участников коммуникативного акта, отсюда и наименьшая маркированность таких тем» (*Касевич В. Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. – 2-е изд. – СПб., 2004. – С. 256). Ср. резкое улучшение согласованности ответов испытуемых по отношению к тематическим элементам, входящим в формально маркированные конструкции (речь идет прежде всего о конструкциях с именительным темой типа *А первая моя собака – это был испанский пудель*).

<sup>14</sup> Здесь коэффициент согласия представлен в виде десятичной дроби: за единицу принято число испытуемых, задействованных в эксперименте.

<sup>15</sup> Здесь и далее КС означает «коэффициент согласия».

<sup>16</sup> *Бергельсон М. Б.* К типологической характеристике русского разговорного синтаксиса // Всесоюзная конференция по лингвистической типологии: Тезисы докладов. – М.: Наука, 1990. – С. 20.

<sup>17</sup> Там же. – С. 20–21.

<sup>18</sup> Natural language parsing: Psychol., computational a. theoretical perspectives / Ed. By Dowty D. R. et al. – Cambridge etc.: Cambridge univ. Press, 1985. – XIII. – (Studies in natural lang. processing).

<sup>19</sup> *Черниговская Т. В., Деглин В. Л.* Метафорическое и силлогистическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга // Семиотика пространства и пространство семиотики: Труды по знаковым системам. Ученые записки ТГУ. Вып. 720. – 1986. – Т. 19. – С. 68–84; *Chernigovskaya Deglin.* Указ. соч.; *Osiejuk E.* Analiza dyskursu w badaniach neurolingwistycznych // Studia psychologiczne. – W-wa, 1989. – Т. XXVII/1. – Р. 33–66.; *Мурзин Л. Н., Штерн А. С.* Текст и его восприятие. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991.